

Марьяна Легенда

Инвентаризация Бессмертия

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Марьяна Легенда

Инвентаризация бессмертия

<https://litres.ru/73799644>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что если сказочные злодеи никогда не существовали? Что если Кощей, Баба-Яга и Змей Горыныч это не монстры из детских страшилок, а спящие части нашего собственного сознания?

Тарас Корневич птицевод с двадцатилетним стажем, хранящий коллекцию странных экспонатов и тяжёлую усталость внутри. Однажды ночью он решает провести инвентаризацию своей жизни. Он ещё не знает, что каждая вещь в его шкафу это ключ. А яйцо, которое не вылупляется пять лет, ждёт только одного: чтобы он перестал прятаться за чужими правилами.

Эта книга не про волшебство. Это про пробуждение. Про то, как архетипы, запертые в клетках рутины, социальных ожиданий и чужих сценариев, выходят на свободу. Про то, как «злодей» становится хранителем границ, а «старуха» проводником в собственную силу.

«Инвентаризация бессмертия» ироничная и глубокая история для тех, кто устал просыпаться в чужом сюжете. Инструкция по выходу из сна. Напоминание: ваше «яйцо» уже стучит. Вам осталось только открыть скорлупу.

Содержание

ПРОЛОГ. ЧЕРНОВИК МИРОЗДАНИЯ	4
ДЕНЬ ПЕРВЫЙ. ОПИСЬ ЭКСПОНАТОВ ПЕРЕД РАССВЕТОМ	7
ДЕНЬ ВТОРОЙ. РАЗГОВОР БЕЗ СЛОВ	14
ДЕНЬ ТРЕТИЙ. АЛИБИ ДЛЯ ТЕНИ	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Марьяна Легенда Инвентаризация бессмертия

ПРОЛОГ. ЧЕРНОВИК МИРОЗДАНИЯ

Курсор мигал. Ритмично, настойчиво, как сердце пациента на операционном столе, который вот-вот откажет. Белый прямоугольник на черном фоне экрана пульсировал в такт усталому дыханию Автора.

За окном кабинета шел дождь. Не тот, красивый, кинематографичный, что любят показывать в мелодрамах, а серый, нудный, осенний, размывающий контуры города до состояния акварельного пятна. Автор откинулся в кресле, потер виски. На столе лежала распечатка – первые семь глав. Они были хороши. Слишком хороши. В них было слишком много жизни, слишком много боли и слишком много надежды.

– Проблема не в тексте, – сказал Автор вслух. Голос прозвучал глухо, будто стены поглощали звук. – Проблема в концовке.

Он знал, как должны заканчиваться сказки. Зло повержено, добро награждено, герои живут долго и счастливо, пока не умрут. Но его герои не могли умереть. Они были архетипами. Они были идеями, облеченными в плоть. И если дать им спокойную старость на лужайке в Коломенском, читатель почувствует подвох. Читатель почувствует, что Автор испугался.

– Они должны уйти, – прошептал Автор. – Но не исчезнуть. Раствориться. Стать частью мира, который они пытались изменить.

Он потянулся к клавиатуре. Пальцы замерли над клавишами. На экране мигнул курсор. На долю секунды ему показалось, что мигнул не курсор, а что-то в глубине монитора. Какой-то зеленый отсвет. Вертикальный зрачок.

Автор моргнул. Отсвет исчез.

– Ладно, – выдохнул он. – Давайте попробуем еще раз. Но без меня. Я буду только наблюдателем.

Он нажал «Enter». Строка поползла вниз. Текст начал писать сам себя, точнее – он начал вспоминать себя. Автор лишь направлял поток, иногда убирая лишние слова, иногда добавляя тени там, где было слишком светло.

Он знал, что в седьмой главе они поймут, кто он. А в девятой... В девятой они должны будут сделать выбор, который изменит всё. Не сюжет. Мир.

Дождь за окном усилился. В стекле отразилось лицо Автора. Усталое. Человеческое. Слишком человеческое для то-

го, кто придумывает богов.

– Пиши, – скомандовал он пустоте.

И пустота начала отвечать.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ. ОПИСЬ ЭКСПОНАТОВ ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Поселок Финистово носил имя своего основателя, но никто уже не помнил, был ли тот человеком или, скажем, оборотнем. Сейчас поселком заправляла фабрика «Жар-Птица», где под огромными ангарами жили, неслись и пели существа, от которых у нормального человека голова шла кругом: фениксы возрождались в инкубаторах каждые триста лет, алконосты высиживали яйца, слушая только классическую музыку, а гамаюны круглосуточно вещали прогноз погоды на полгода вперед.

Хозяин фабрики, Тарас Корневич Птицын, жил тут же – в небольшом домике при въезде, из окон которого вечно доносился многоголосый птичий гомон. Последние полгода он просыпался задолго до рассвета. И не потому, что надо было проверять автоматическую подачу корма. А потому, что внутри поселилась темнота. Густая, вязкая, как патока, которую дают сиринам для голоса.

В то утро за окном стояла мгла – хоть магический фонарь зажигай, хоть светляков выпускай. Небо не думало розоветь. И Тарас вдруг понял: если сейчас же что-то не сделать, он

так и останется в этой темноте навсегда.

Специалист по определению пола цыплят жар-птиц, фениксов, алконостов, сиринов и гамаюнов – это штучная профессия. За всю фабрику только он один умел отличить будущего певуна от будущей несушки на вторые сутки после вылупления. Но в последнее время даже уникальность перестала радовать. Яйца бились, птенцы болели, а конкуренты из соседнего княжества предлагали клиентам магические тесты ДНК. Особенно настойчиво досаждали поставщики экзотических кормовых добавок из-за моря, из каких-то африканских земель. Тарас даже не запоминал названия фирм, просто подписывал накладные: «Смесь для иммунитета, поставщик Дже... что-то там». Ему было все равно.

Тарас зажег масляную лампу (электричество от магических бурь часто вырубалось) и подошел к огромному платяному шкафу, где хранилось всё, что накопилось за двадцать лет работы. Сегодня этот шкаф станет музеем его уходящей эпохи. Хотя, если быть честным до конца, работа здесь была не двадцать лет. Тело помнило двадцать. А душа... душа помнила гораздо больше. Иногда во сне ему снились троны, иглы и женщины с глазами цвета лесной глубины. Но утром он просыпался Тарасом, и сны растворялись, как туман над прудом.

Он взял пергамент, обмакнул перо гамаюна в чернила и начал составлять опись экспонатов.

«Экспонат №1: Серебряный овоскоп с рунами точности.»

Прибор для определения пола яйца на просвет. Достался от учителя, который достал от своего, и так далее до самого основателя фабрики. На серебряной оправе – царапины от когтей нетерпеливой самки феникса, которая не желала ждать, пока её яйцо изучат. Символ преемственности и мастерства, которое нынешние маги-выпускники считают пережитком прошлого.

Примечание: Внутри линзы засох кусочек желтка – с того самого яйца, из которого вылупился Серафим, лучший певун фабрики, купленный лично князем тьмы для услаждения слуха в зимние ночи. Тот день был пиком карьеры Тараса.

«Экспонат №2: Диплом «Магистр яйцеведения», отпечатанный на коже дракона.»

Вручен на восьмом Международном симпозиуме птицеводов магического мира в Тридевятиом царстве. Тиснение золотом, подпись самого Кощея (он тогда был почетным гостем и меценатом). Символ признания, которое уже ничего не значит, потому что симпозиум больше не проводят – магические птицеводы перессорились из-за патентов на корма.

Примечание: В углу – маленькое коричневое пятнышко от пролитого эля: именно тогда Тарас напился с эльфийскими коллегами и впервые задумался, а ту ли жизнь он проживает. Странно, но подпись «Кощей» на дипломе казалась ему

знакомой, будто он видел её в зеркале.

«Экспонат №3: Первый хвостовой, перо жар-птицы, полученное в подарок от выкормыша.»

Жар-птицы не дают свои перья просто так. Этот экземпляр Тарас получил от самца по кличке Пламень, которого вырастил из яйца, когда тот потерял мать в пожаре (жар-птицы вечно всё поджигают). Перо до сих пор слабо светится в темноте. Символ любви к делу, которая куда-то улетучилась.

Примечание: Если приложить перо к уху, слышен далекий крик: это Пламень теперь живет в заповеднике и при каждом визите Тараса клюет его в руку. Обиделся, что хозяин перестал с ним возиться.

«Экспонат №4: Будильник в виде обычного петуха (кукарекает по-настоящему).»

Подарок тестя на новоселье. Тесть – обычный деревенский колдун, до сих пор не понимает, зачем зятю нужны все эти сказочные твари, если можно разводить кур-несушек. Петух орет каждое утро, заглушая даже сиринов. Символ давления семьи и вечных упреков: «Когда уже займешься нормальным делом?».

Примечание: Внутри механизма застряло перышко алконоста – Тарас пытался заколдовать будильник, чтобы тот пел мелодичнее, но получилось только хуже. Петух теперь иногда всхлипывает на высокой ноте.

«Экспонат №5: Фартук кожаный, прожженный в нескольких местах.»

Спецодежда для работы с особо огнеопасными птенцами. Каждая дыра – память о том, как очередной феникс решил возродиться прямо в руках Тараса (это больно, но терпимо). Левый карман полностью выгорел после контакта с цыпленком гамаюна, который предсказал собственное возгорание, но не предсказал, что карман загорится.

Примечание: На спине сохранилась нашивка «Птицевод года – 2018». С тех пор награды не вручали, то ли конкуренты украли номинацию, то ли Тарас перестал соответствовать.

«Экспонат №6: Яйцо феникса, не подающее признаков жизни.»

Лежит в отдельном ящичке уже пять лет. Фениксы обычно возрождаются, но это яйцо молчит. Магический диагноз – «синдром хронической нерешительности». Тарас хранит его в надежде, что однажды внутри проснется жизнь. Но, кажется, это яйцо – идеальный символ его собственного состояния: внешне целое, но внутри – пустота, которая так и не стала пламенем.

Примечание: Если поднести яйцо к уху, слышен слабый стук – то ли сердечко, то ли просто фабричный шум. Хотя иногда Тарасу казалось, что стук идет не из яйца, а из-за

него. Будто внутри скорлупы спрятано что-то еще, меньшее, твердое и холодное.

Тарас отложил перо и оглядел разложенные на столе экспонаты. Диплом говорил: «Ты важный специалист». Перо напоминало о любви. Овоскоп – о традициях. Фартук – о былом героизме. Петух – о том, что где-то есть нормальная жизнь, к которой можно вернуться, если всё надоест. А яйцо феникса – самое главное – оправдывало бездействие: «Если даже волшебное яйцо не может решить, вылупиться или нет, то что с меня взять?»

Они кормили его внутреннего демона по имени Застой. Демон шептал: «Всё не так уж плохо. Есть память, есть статус. А если выбросить – останешься голым и никчемным».

Тарас встал, подошел к окну. За стеклом всё так же чернела ночь. Но где-то в ангарах уже перекликались гамаюны – предсказывали, что солнце всё-таки взойдет, хотя и с опозданием на четырнадцать минут.

Он взял в руки серебряный овоскоп. Инструмент был холодным. Тарас поднёс его к висящей на стене старой фотографии, где он, молодой и счастливый, стоял в обнимку с огромным фениксом, а вокруг искрились перья. Тогда он точно знал, кто он такой.

– Пора, – сказал Тарас.

И со всей силы шмякнул овоскоп об пол. Серебро жалобно звякнуло, руны на миг вспыхнули и погасли. Линза разлетелась вдребезги.

Темнота за окном чуть отодвинулась. Или это просто глаза привыкли? Тарас не знал. Но фонарик он всё-таки нашёл – старый, магический, заряжаемый от смеха. И пошёл к ангарам – проведать Пламеня. Утро начиналось.

ДЕНЬ ВТОРОЙ.

РАЗГОВОР БЕЗ СЛОВ

Утро после ночи инвентаризации оказалось странным. Тарас Корневич вышел из дома и обнаружил, что мгла всё ещё стоит – но теперь это была не та давящая чернота, что висела за окном. Просто обычный предрассветный туман, каких в поселке Финистово случалось много. Туман пах сыростью, перьями и где-то далеко – дымком от вечно тлеющего гнезда фениксов.

Он не пошёл на фабрику сразу. Ноги сами вынесли его к старому пруду, который питала малая речка Забвень. Говорили, вода в ней с привкусом памяти. Тарас не проверял – просто сел на скамейку, когда совсем прижимало.

Сегодня скамейка была занята.

На дальнем конце сидела девушка. Вернее, существо, в котором Тарас безошибочно опознал полудницу – тех, кто выходят водить хороводы в жаркий полдень, но в предрассветный час обычно спят в траве. Она сидела неподвижно, глядя на тёмную воду, и туман окутывал её ноги, делая похожей на мираж.

Тарас замер. Не потому что испугался – полудницы в его фабрике не водились, они вообще редко приближались к лю-

дям. А потому что вдруг понял: он не знает, как себя вести. Раньше он бы развернулся и ушёл – подальше от неловкости, от необходимости что-то говорить, от чужого присутствия.

Но сегодня ноги не послушались. Он сел на другой конец скамейки.

Она не повернулась. И он не повернулся. Они сидели, глядя каждый в свою темноту, и тишина между ними была плотной, как туман.

Прошло пять минут. Или полчаса.

Тарас почувствовал, что замёрз – куртка была тонкой, а утренняя сырость пробирала до костей. Он сунул руки в карманы и вдруг нащупал там что-то – забытое с вечера, когда перебирал вещи. Маленькое пёрышко гамаюна. Оно слабо пульсировало теплом.

Не думая, он вытащил его и положил на скамейку – посередине, между собой и ею.

Туман качнулся. Или это она чуть повернула голову? Тарас не смотрел. Он смотрел на пруд, но краем глаза видел, как длинные светлые волосы, в которых запутались травинки и капли росы, колышутся от невидимого ветра. Её рука лежала на коленях – тонкая, неестественно длинная, с зеленоватым отливом кожи. Она не шевелилась.

Пёрышко на скамейке засветилось чуть ярче.

Тогда Тарас увидел, как её пальцы дрогнули. Один. Второй. Она протянула руку к перу – медленно, словно сквозь воду – и коснулась его кончиками. И в тот же миг Тарас по-

чувствовал это прикосновение. Не физически – где-то внутри, под рёбрами. Тёплое, осторожное, вопросительное.

Зачем ты здесь? – как будто спросила она этим касанием.

Тарас не знал, как ответить без слов. Он просто чуть подвинулся ближе – на пол-ладони. И положил свою руку рядом с её. Не касаясь. Просто чтобы было.

Она не отодвинулась.

Туман над прудом начал редеть. Где-то в ангарах закричал гамаюн – предсказал, что солнце взойдёт через семнадцать минут. Полудница вздрогнула – близость рассвета должна была гнать её прочь, в тень, в нору, в сон до следующего полудня. Но она не уходила.

Она сжала пёрышко в кулаке.

Тарас смотрел, как светлеет небо. Тени на воде становились резче. Её профиль проступил из тумана – острый нос, высокие скулы, губы, тронутые синевой утреннего холода. Она глядела прямо перед собой, и Тарас вдруг отчётливо увидел, как тень от старой ветлы, качаясь на воде, ложится на её щёку тёмной полосой. Когда она чуть склонила голову – тень переломилась, побежала по шее, скрылась в вороте лёгкого платья, сотканного то ли из паутины, то ли из утреннего тумана.

Ему захотелось согреть её. Зачем-то. Хотя полудницы, кажется, не мёрзнут.

Он снял куртку – ту самую, старую, прожжённую в рукаве ещё тем фениксом, который возродился у него на руках. И

накинул ей на плечи.

Материя коснулась её кожи. Она вздрогнула – и в этом дрожании не было страха. Было что-то другое, чему Тарас не знал названия. Она подняла руку и взялась за край куртки, подтянула к подбородку. Вдохнула запах – дым, перья, сухой корм, Тарас сам знал, чем от него пахнет. Но она не поморщилась.

Она прижалась щекой к воротнику.

И Тарас почувствовал это – тепло. Не от куртки. От неё. Тонкое, живое, пульсирующее в такт дыханию. Оно разливалось по скамейке, по его рукам, по самой земле под ногами.

Рассвет вставал быстро. Солнце уже тронуло верхушки ангаров, и первый луч скользнул по воде, по скамейке, по её лицу. Она зажмурилась – как слепой котёнок, впервые увидевший свет. И не ушла.

Тарас смотрел, как солнечный свет запутывается в её волосах, делая их золотисто-зелёными. Как ресницы отбрасывают тени на скулы. Как губы чуть приоткрываются, будто собираясь что-то сказать.

Но она молчала. И он молчал.

В ангарах запели все сразу – сирины, алконосты, гамаюны. Утренний хор, от которого у Тараса всегда щемило сердце. Сегодня щемило сильнее обычного.

Он перевёл взгляд на пруд, на разбегающиеся круги – рыба плеснула? Или просто капля упала? – и вдруг почувствовал, что её рука больше не лежит отдельно. Она придвину-

лась. Совсем чуть-чуть. Тыльная сторона её ладони коснулась его запястья.

Холодная. Как родниковая вода в июле. И живая – пульс бился часто-часто, как у пойманной птицы.

Он не пошевелился. Боялся спугнуть.

Так они и сидели – рука возле руки, плечо возле плеча, и утро накрывало их светом, теплом, птичьим гомоном. Туман почти рассеялся. На том берегу уже видно было фабричные постройки, забор, калитку, которую Тарас забыл закрыть на ночь.

Она вздохнула – длинно, прерывисто.

– Ты не спросишь, как меня зовут?

Голос у неё оказался низким, чуть хриплым, будто она не говорила сто лет. Или просто отсырела в тумане.

Тарас повернул голову. Впервые за всё утро посмотрел ей прямо в лицо. Глаза у неё были светлые, почти прозрачные, с вертикальным зрачком – полудницы всё-таки, не люди. Но в них сейчас не было ни полуденной жути, ни колдовского морока. Было просто любопытство. И что-то ещё, от чего у Тараса перехватило горло.

– Я думал... – начал он и осекся. Потому что понял, что не думал ничего. Он просто сидел. Просто чувствовал.

Она улыбнулась – краешком губ, едва заметно.

– Я Лета, – сказала она. – Я здесь уже три рассвета сижу. Ты первый, кто не убежал.

И снова замолчала. Но руку не убрала.

Тарас смотрел на их руки – его, обветренную, в цыпках и мелких шрамах от клювов, и её, длинную, зеленоватую, с перепонками между пальцев, которые он только сейчас заметил. Солнце грело всё сильнее. Куртка на её плечах уже казалась лишней.

Он не знал, что говорить. Вопросов было сто, но все они застревали где-то в горле.

– Ты... – выдохнул он наконец. – Ты завтра придёшь?

Она не ответила. Просто чуть сжала его запястье – тёплым, внезапно тёплым пальцем.

Где-то в ангарах Пламень издал боевой крик, требуя завтрака. Фабрика просыпалась. Пора было идти.

Тарас встал. Куртку забирать не стал. Сделал шаг, другой, третий – к калитке, к работе, к привычному дню. Остановился. Обернулся.

Она сидела всё так же, глядя на воду, и куртка сползла с одного плеча, открывая бледную кожу, на которой солнце уже рисовало первые веснушки.

– Лета, – позвал он.

Она не обернулась. Но он знал, что слышит.

Он хотел спросить что-то важное. То, что вертелось на языке всё утро, с той самой секунды, как он сел на скамейку. То, что могло разрушить это хрупкое молчание или сделать его вечным.

– А ты вообще существуешь? – спросил он.

И замер.

Она медленно повернула голову. Посмотрела на него долгим, немигающим взглядом. Солнце стояло прямо у неё за спиной, и лицо её было в тени, только глаза горели – зеленоватым, ровным, нечеловеческим светом.

– А ты? – спросила она.

И улыбнулась совсем по-человечески.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ.

АЛИБИ ДЛЯ ТЕНИ

Фабрика затихала только к полуночи. Сирины замолкали, уткнувшись клювами в крылья, алконосты видели десятые сны, и даже гамаюны, которые вещали круглосуточно, переходили на шёпот – бормотали прогнозы на завтра, не для людей, для себя.

Посёлок Финистово спал. А Тарас сидел в своей каморке при инкубаторе. На столе горела настольная лампа с треснутым зелёным абажуром, и круг света выхватывал из темноты единственный предмет – то самое яйцо феникса. Пятый год оно лежало здесь, тёплое на ощупь, но безжизненное. Иногда Тарасу казалось, что внутри кто-то есть. Иногда – что он просто сходит с ума.

Сегодня он взял яйцо в руки. Гладкая скорлупа, чуть шершавая у тупого конца. Он повертел его, привычным жестом приложил к уху.

Тишина. Или нет? Лёгкий стук? Сердце? Или просто кровь шумит в висках?

– Слушай, – сказал он яйцу. – Я тут подумал...

Он отложил яйцо на стол, прямо в круг света, и откинулся на стуле. Пальцы сами собой нащупали в кармане что-то –

маленькое перо гамаюна, то самое, что вчера лежало на скамейке. Лета вернула? Или он сам сунул и забыл? Он не помнил.

– Я не трус, – сказал он вслух. – Я просто... ответственный. Да.

Яйцо молчало. Лампа жужжала.

– Ты думаешь, легко? Двадцать лет я этим живу. Двадцать лет! Помнишь, как первый феникс вылупился? Нет, ты не помнишь, ты тогда ещё не появился. Или появился? Чёрт тебя знает.

Он провёл рукой по лицу. Щетина колола ладонь.

– Я не этого хотел. Совсем не этого. Я хотел сидеть с лупой и определять. Смотреть на просвет и видеть – мальчик, девочка, певун, несущка, огненный или водный. Я это умею. Я это люблю. А вместо этого...

Он обвёл рукой комнату, будто она вмещала всю фабрику.

– Бухгалтерия. Корма. Поставщики. Тётя Глаша пришла, у неё внук заболел, дай аванс. Главбух грозитя уволиться, если не подниму зарплату. Конкуренты демпингуют. Дракон из соседнего княжества требует отчёт за прошлый год, потому что его жена купила у нас сирина и теперь жалуется, что тот поёт не те песни. Не те! А он просто поёт то, что слышит. Она ему мыльные оперы включает, вот он и поёт мыльные оперы. Я виноват?

Он встал, прошёлся по тесной комнатке. Шаги гулко отдавались в тишине.

– А эта... Лета. Явилась. Сидит на рассвете. Смотрит. Думает, я такой же, как она? Свободный? У неё ни фабрики, ни тёти Глаши, ни главбуха. Красота.

Он остановился у окна. За стеклом – чернота, только где-то вдали горел одинокий фонарь у въезда.

– Я не жалею, – вдруг сказал он тише. – Я сам выбрал. Когда старый хозяин умер, все решили, что фабрику закроют. А я не дал. Я впрягся. Потому что жалко было. Потому что птицы – они же как дети. Их нельзя бросить. И вот... впрягся. И уже двадцать лет не могу выпрягся.

Он снова сел за стол, уставился на яйцо. В круглом свете лампы яйцо казалось золотистым, почти живым.

– Я имею право на усталость. На то, чтобы ничего не менять. Я заслужил. Двадцать лет, понимаешь? Двадцать лет я не своё дело делаю. Не своё! А кто будет? Некому. Вот и приходится. А теперь пусть молодые прыгают. А я посижу. Посмотрю. Может, ещё наладится. Может, завтра всё будет по-другому. Само.

Он положил руки на стол и уткнулся лбом в ладони.

– Я не ленивый, – глухо донеслось из-под рук. – Я просто... устал. Имею право.

Я лежу в тепле. Вокруг темнота, но иногда свет пробивается сквозь скорлупу – мутный, жёлтый. Я ничего не вижу, но чувствую вибрации. Сейчас их много. Тот, кто снаружи, часто говорит. Сегодня говорит особенно долго.

Его пальцы касались меня. Тёплые, шершавые. Потом

убрали. Вибрации стали громче – он ходит туда-сюда. Потом снова тихо, и тяжёлое тепло его рук на столе рядом со мной.

Я не понимаю слов. Но вибрации бывают разными. Когда он говорит про «не своё дело», дрожь глухая, надсаженная, как у птицы, которая несёт яйцо больше себя. Когда говорит про «имею право» – вибрации ровные, но внутри них пустота, будто скорлупа, за которой ничего нет.

Сейчас он затих. Только дыхание – неровное, с хрипом. И вдруг – стук. Это не снаружи. Это внутри меня? Или это он ударил?

Нет. Это я. Я стукнул. Сам. В первый раз за пять лет.

Но он не слышит. Он слишком занят своими вибрациями.

Тарас поднял голову. Что-то изменилось. Воздух стал другим? Или показалось?

Он посмотрел на яйцо. Оно лежало всё так же – гладкое, золотистое, мёртвое.

– Эх, – выдохнул он. – Мы с тобой одной крови. Оба застряли. Только ты, может, умнее. Ты хотя бы не врешь себе, что застрял не просто так. А я... я же сам. Сам впрягся. Сам не выпрыгаюсь. И тётю Глашу с главбухом заодно припряг. А мог бы...

Он взял яйцо в руки. И вдруг замер.

Потому что под пальцами – отчётливо, внятно – толчок.

Маленький. Слабый. Но живой.

Тарас смотрел на яйцо, и внутри у него всё оборвалось. Потом понеслось куда-то вниз, в ледяную пустоту.

– Господи, – прошептал он. – Оно живое. Всё это время... оно было живое. А я... я просто сидел и ждал. Пять лет.

Он прижал яйцо к груди. Внутри снова толчок, будто птенец просится наружу.

– Я не ждал, – сказал Тарас тихо. – Я прятался. За тётю Глашу. За главбуха. За поставщиков. За то, что «некому больше». А на самом деле... боялся. Боялся, что если оно вылупится, то и мне придётся что-то менять. Что я больше не смогу оправдывать себя этим... этим яйцом. Этой пустотой. Тем, что я не своё дело делаю, но хотя бы нужен.

Он закрыл глаза.

– Я сам себя в клетку посадил. И ключ выбросил. А ты... ты пять лет ждал. Прости.

Яйцо молчало. Но Тарас чувствовал – теперь это другое молчание. Живое.

За окном начало светлеть. Рассвет приближался. И впервые за много лет Тарас знал, что встретит его не один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.